

ВВЕДЕНИЕ

Предметом исследования в этой книге станет политическая биография Гая Юлия Цезаря, представленная на фоне истории Рима. Роль этого выдающегося полководца и политического деятеля в истории римской цивилизации действительно трудно переоценить. Именно с Цезарем был связан переход от республики к монархии и от римского полиса к политической системе Империи, именно с ним ассоциируется и превращение римского государства в гигантскую сверхдержаву, владения которой простирались от Британии до Африки и от Евфрата до побережья Атлантики. Эта огромная Империя создала ту высочайшую цивилизацию, которая, вне всякого сомнения, оказала определяющее влияние на последующую историю вплоть до относительно недавнего прошлого и даже современного периода. Победа Цезаря была не просто сменой формы власти, это был переход римской цивилизации и культуры на новый, качественно иной уровень своего развития.

Политическая биография Цезаря стала весьма популярной темой исследований в западной историографии. Широко известные биографические исследования М. Гельцера, Ж. Каркопино, А. Феррабино, Дж. Бальсдона, Л. Радитцы и многих других ученых¹ представляют собой необычайно широкий спектр мнений, суждений и информации о, вероятно, крупнейшем представителе римской истории. С другой стороны, как показывают примеры Т. Моммзена,

¹ *Carcopino J.* Cesar // *Histoire generale* / ed. par G. Glotz. *Histoire Romaine*. T. II. Paris, 1936; *Gelzer M.* Caesar als Politiker und Staatsmann. 6 Aufl. Wiesbaden, 1960; *Ferrabino A.* Caesar. Fiorenza, 1945; *Balsdon J. P. V. D.* Julius Caesar. A Political Biography. New York, 1975; *Raditsa L.* Julius Caesar and his Writings // ANRW. Tl. 1. Bd. 3. Berlin; New York, 1975. S. 417–456. Некоторые литературные обзоры историографии о Цезаре см., например: *Collins J. H.* Caesar as Political Propagandist // ANRW. Tl. 1. Bd. 1. Berlin; New York, 1972. P. 922–981; *Kroymann J.* Caesar und der Corpus Caesarianum in der neuen Forschung. Gesamtbibliographie 1945–1970 // ANRW. Tl. 1. Bd. 3. Berlin; New York, 1973. S. 457–487; The Cambridge Ancient History (CAH). 2-ed. Cambridge, 1994 (repr. 1999; 2001; 2003).

К. В. Нича, Эд. Мейера, а также — двух изданий «Кембриджской античной истории», французской серии «Всемирной истории» Г. Глотца и гигантского международного издания «Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt»², тема Цезаря занимает одно из центральных мест в общих трудах по истории гражданских войн I в. до н. э., истории римской республики, а иногда и истории Рима вообще. Цезарь, несомненно, стал, быть может, главным символом Рима, что связано не только с его исторической ролью, но и с его яркой и многогранной личностью, которая, возможно, как никакая другая, отражает суть римской цивилизации и римской ментальности.

Наверное сейчас, во введении, нет необходимости говорить о значении Цезаря и его личности, равно как и о том разнообразии мнений, которое существует в мировой историографии. Мы наметим лишь некоторые общие принципы, которым намерены руководствоваться в последующем изложении. Впрочем, перед тем, как это сделать, отметим высокую степень разработанности темы и в отечественной историографии. Это, прежде всего, общие труды по истории Рима и исследования о гражданских войнах и раннем принципате (С. И. Ковалев, Р. Ю. Виппер, Н. А. Машкин и др.)³. Единственной специальной монографией, посвященной биографии Цезаря, является книга С. Л. Утченко «Юлий Цезарь»⁴. Хотя речь об историографии (в том числе — монографии С. Л. Утченко) еще впереди, заметим, что несмотря на ряд существенных различий и разногласий, мы высоко ценим труд своего непосредственного предшественника, ставший первым в отечественной науке серьезным исследованием по данной теме, выполненным в биографическом жанре.

Теперь о нескольких исходных принципах последующего изложения. Особенностью нашего подхода, впрочем, вполне характерного и для предшествующей традиции, является намерение рассмотреть деятельность главного героя на широком историческом фоне. Политическую карьеру, реформы и итоги деятельности Цезаря невозможно понять без общего представления о том, что представляло собой римское республиканское государство и так называе-

² Mommsen T. История Рима. Т. 3. СПб., 1995. С. 130–387; Нич К. В. История римской республики. М., 1908. С. 444; Meyer Ed. Caesar's Monarchie und der Prinzipat des Pompeius. Stuttgart; Berlin, 1922; Adcock F. Caesar // САН. 1-ed. Vol. IX. Cambridge, 1932. P. 614–738; Wiseman T. P. Caesar, Pompei and Rome, 59–50 B. C. // САН. 2-ed. Vol. IX. Cambridge, 1994. P. 368–423; Rawson E. Caesar: civil war and dictatorship // САН. 2-ed. Vol. IX. Cambridge, 1994. P. 424–467.

³ Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. М., 1935. С. 333–345; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986. С. 425–452; Машкин Н. А. Принципат Августа. М.; Л., 1949. С. 74–95.

⁴ Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976.

мая римско-италийская федерация, ставшая ядром последующей Империи.

Перемены, происшедшие в связи с превращением римского полиса в огромную территориальную державу, что позднее стало, наверное, главным делом Цезаря, также нельзя понять без хотя бы суммарного обзора итогов Второй Пунической войны и завоеваний II в. до н. э., с которых начался этот процесс. «Наследие Ганнибала»⁵ во многом определило последующее развитие римской истории. Наконец, вся деятельность Цезаря была направлена на выход из глобального кризиса, начавшегося в 40–30-е гг. II в. и достигшего кульминации в катастрофе 80-х гг. I в., что делает необходимым достаточно подробной обзор этих событий.

Вопреки расхожему мнению, представляющему Рим этого времени как республиканское государство с развитым принципом разделения властей и могущественную всемирную державу, в указанный период он являл собой слабое, развалившееся и раздираемое противоречиями общество с разоренными, ненавидящими римлян провинциями, грозящей отовсюду внешней опасностью, пустой казной, обнищанием граждан и невероятным богатством олигархов.

Это был Рим диктатуры Суллы и восстания Спартака, заговора Катилины и движений популяров, Рим военных переворотов и вторжений Митридата, разгула пиратства и восстаний рабов и провинциалов, республикой «нищих и миллионеров», как определил его Т. Моммзен⁶. К этой характеристике выдающегося немецкого историка можно добавить, что это было общество немногих миллионеров и множества нищих, еще ниже которых стояли миллионы бесправных союзников и провинциалов, а еще ниже — миллионы рабов, лишенных даже права на собственную личность. Кризис завершился тем, чем он и должен был завершиться, страшной бойней гражданских войн, унесших сотни тысяч жизней и поставивших общество на грань полного уничтожения. Итогом войны стала победа человека, олицетворявшего эту «республику» и являвшегося, может быть, главным символом того, с чем Цезарь боролся всю свою жизнь, — Луция Корнелия Суллы.

В силу этих причин мы сочли целесообразным не сразу перейти к описанию биографии Цезаря, а дать хотя бы суммарную характеристику становления Рима и его империи, показать ход и обстоятельства кризиса, уделив довольно большое внимание диктатуре Суллы и постсулланской власти. В двух первых главах речь о Цезаре еще не идет, в них характеризуется обстановка, сформировавшая его как личность и как политическое явление, тесно связанное

⁵ Термин А. Тойнби. См.: *Toynbee A. Hannibal's legacy to Rome*. Oxford, 1965.

⁶ Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 352.

и с уходящей в глубокую древность политической и культурной традицией Рима, и с завоеванной им Империей, и с постигшим ее кризисом, едва не приведшим к гибели не только республики, но и самой римской цивилизации.

С другой стороны, две первые главы служат как бы собранием информации, которая призвана способствовать пониманию последующего изложения. Невозможно рассмотреть восхождение Цезаря по лестнице магистратур (от военного трибуна до консула и диктатора) без определения сути этих должностей, описать Галльские войны без знания того, что представляли из себя галльские племена, как складывались их отношения с Римом и какова была суть этих войн. Рассмотрение ожесточенных столкновений и дебатов в сенате, на форуме и в судах невозможно без хотя бы краткого экскурса о том, чем были римский сенат и народное собрание, и каковы были основные принципы действия римской законодательной, исполнительной и судебной власти. Говоря о борьбе Цезаря с оптиматами и Помпеем, надо иметь о них, хотя бы общие сведения, а, отмечая вклад Цезаря в римскую культуру, следует дать хотя бы суммарные заключения относительно ее специфики. Такого рода предварительные разъяснения помогут далее говорить об этих реалиях как о достаточно известных вещах и избежать обширных пояснений, способных разрушить цельность биографического повествования.

Переходя к самой биографии, мы считаем нужным уделить особое внимание детским и юношеским годам Цезаря. Хотя сами античные авторы ограничиваются несколькими фразами, а современные биографы уделяют этому периоду максимум несколько страниц, именно он определил его будущую деятельность. Ребенком, мальчиком, а затем — юношей Цезарь стал очевидцем, наверное, самого страшного и трагического периода римской истории, собственными глазами увидев Союзническую и гражданскую войны, серию военных переворотов и конечную победу Суллы с ее вакханалией террора. Он находился не только в гуще событий, но и в гуще людей, вершивших историю. Его ближайшими родственниками были те, кто определял судьбы государства: Марий и Цинна, Секст и Луций Цезари, круг Крассов-Спевол. Сам мальчик рос как «наследный принц» правящей марианской партии.

Разумеется, попытка реконструкции всего того, что мог чувствовать и переживать юный и молодой Цезарь, скорее является задачей писателя, чем историка (последний должен иметь дело только с установленными, а не с гипотетическими фактами), но рассмотрение той обстановки, о которой известно достаточно много, особенно важно и для понимания последующих событий. Поворот наступил с победой Суллы, лишившей Цезаря всего, что у него было. Это был не только личный крах, это было уничтожение его партии, когда один за другим буквально на его глазах умирали и гибли его покровители. Сам Цезарь с трудом избежал смерти, а самым безопас-

ным для него место стала действующая армия. Перспектива гибели в бою была предпочтительнее смерти от рук сулланских палачей, и вплоть до смерти Суллы в 78 г. до н. э. жизнь молодого племянника Мария оставалась постоянной дуэлью со смертью и бесчестьем.

Уход Суллы, вызванный перспективой неизбежного краха его политики, стал временем низшей точки падения для республики, однако именно она может стать и начальной точкой подъема. Оказавшись у власти, постсулланская элита прекратила террор и пошла на уступки, при этом сохраняя и свою личную власть, и суть сулланской системы. После смерти диктатора Рим продолжал жить по его законам, а сулланская аристократия господствовала до конца 60-х гг. I в. Именно на борьбу с наследием и наследниками Суллы и ушла большая часть жизни Цезаря.

Исследователи далеко не всегда обращают внимание на то, что его деятельность началась с нравственной оппозиции режиму и правозащитной деятельности. Собственно, действия Цезаря в это время трудно назвать политикой в собственном смысле этого слова. Будучи сам жертвой сулланских репрессий, молодой популярист сосредоточил свою деятельность на помощи людям, пострадавшим от террора диктатора, беззакония и произвола его последователей, восстановлении прав и юридической защите репрессированных, реабилитации памяти погибших, защите жертв сфабрикованных процессов. Это сочеталось с попытками (пока еще в чисто конкретных случаях) показать суть сулланской и постсулланской политики с ее террором, подавлением, коррупцией и круговой порукой, равно как и ее полную неэффективность. То, что объявлялось «государственной необходимостью» или «восстановлением устоев общества» находило в этих процессах новое истинное определение как элементарные уголовные преступления (убийства, взяточничество, подлог и подкуп, превышение власти), совершаемые в особо крупных размерах и с особой жестокостью. Фактически в 60-е гг. Цезарь добился того, что сулланские палачи стали привлекаться к ответственности в соответствии с общепринятыми нормами уголовного права.

Именно это сделало Цезаря одним из лидеров оппозиции и привело к его небывалой популярности, гарантировавшей успех на любых выборах. От критики конкретных лиц и общего положения дел он переходит к борьбе с системой как таковой, начиная формировать позитивную часть программы. В 4-й главе мы проследим его постепенное восхождение по ступеням политической лестницы (от квестора до претора) и постараемся показать, что эти успехи были не результатом какой-то особо ловкой политической игры, а истинной волей народа, выражавшего свой протест против сулланской системы и надежду на новую политику. Деятельность Цезаря проходит на широком фоне антисулланского движения, вобравшего в себя самые различные силы — от испанских повстанцев Сертория до либерально настроенных сенаторов. Оно все больше соединялось с теми

силами в сулланском лагере, которые были готовы в той или иной степени пойти на смягчение режима.

«Мирная революция» 70 г. стала первой победой этих сил, она же фактически завершила Союзническую войну. Это были серьезные уступки, на которые система пошла ради сохранения в своих руках основных рычагов власти. Символом этой новой политики реформ, проводимых при сохранении основных элементов сулланского порядка и успешной внешней политики, являлся Гней Помпей, ставший в это время влиятельнейшим политиком и полководцем Рима.

В 70–60-е гг. из молодого правозащитника Цезарь превратился в лидера популяров, все больше и больше представлявших собой реальную политическую оппозицию постсулланской власти и выдвигавших конструктивную и всеобъемлющую программу общественных преобразований. От защиты жертв Суллы, обвинений его преемников и его «дела» Цезарь переходит к борьбе с системой в целом. Программа реформ в уже довольно завершенном виде предстает в период, непосредственно предшествующий его консульству и триумвирату.

Вопреки распространенному убеждению, триумвират не был чисто личным «союзом трех властителей» с целью захвата личной власти. Он представлял собой альянс оппозиции во главе с Цезарем с теми умеренными просулланскими силами, которые были готовы к продолжению преобразований. Их символом стал Помпей, а отчасти и Красс, причем последний все больше сближался с антисулланскими кругами. Хотя союз сформировался в 60–59 гг., он имел длительную предысторию, вероятно, восходя к «мирной революции» 70 г. Консульство Цезаря в 59 г. стало вторым актом этой революции, временно сделав оппозицию правящей партией и создав на будущее равновесие сил, просуществовавшее в течение 50-х гг. Оказавшись не только несомненным лидером народа, но и блестящим мастером «аппаратной борьбы», Цезарь начал процесс медленного завоевания сената оппозиционными силами.

Наступал новый этап, когда демократические, электоральные возможности общества оказывались исчерпанными. Для продолжения слома сулланской системы и избежания ее реставрации было необходимо создание мощной силовой структуры, способной стать гарантом успеха революции. Это, несомненно, послужило одной из причин галльских кампаний Цезаря и создания им галльской армии, по всей вероятности, одной из лучших армий Рима за всю его историю. Впрочем, ошибочно считать внутренние причины и личные цели Цезаря единственными или главными причинами этих войн. Галльские войны (58–50 гг. до н. э.) были связаны с, вероятно, самой серьезной внешнеполитической проблемой Римской державы на протяжении большей части ее истории. Нашествия с севера оставались вполне реальной угрозой. Итогом кампаний в Галлии стало

создание мощного буфера, надолго обезопасившего западные провинции Рима от этих вторжений.

Назревало решающее столкновение. Помпей сделал выбор в пользу своего сулланского прошлого, новых и старых союзников из числа сулланской и постсулланской элиты и собственных диктаторских амбиций. В борьбе с Цезарем его противники использовали все силовые рычаги. Несмотря на последующую неудачу, это оказалась тщательно подготовленная попытка фактически полной реставрации сулланской системы во главе с Помпеем. У нее не было будущего: альтернативой победе Цезаря стала бы не победа Помпея или Катона, а всеобщий крах и распад. Система была ранена, но в своей агонии она могла вместе с собой увлечь в пропасть и общество. Теряя перспективы мирной борьбы, Помпей и оптиматы выбрали силовой вариант. В 50–49 гг. главным образом посредством неправовых действий постсулланское окружение Помпея пошло на откровенный государственный переворот, нарушив общественное равновесие, а выигравшая тяжелейшую в истории Рима войну армия, от командующего до простых солдат, оказалась под угрозой роспуска и неминуемых репрессий. Готовилась расправа над победителями.

В этой ситуации Цезарь взял власть на себя. Поход Цезаря в Италию (январь–март 49 г.), изображаемый как насильственный захват власти, был фактически бескровной «бархатной революцией», поддержанной практически всеми слоями итальянского населения и солдатами собственных армий Помпея. Как ни парадоксально, Помпей учел и этот вариант. Его план предполагал мобилизацию всех стоявших в провинциях армий и флотов и активное привлечение к борьбе вассальных царей и разнообразных антиримских сил. Это была тактика затяжной войны и морской блокады Италии, похожая на план Ганнибала, показавший выдающиеся полководческие качества его создателя и вызвавший ужас даже у верных сторонников последнего. Помпей проиграл, и его проигрыш обусловлен, прежде всего, тем, что это была война против собственного народа, решительно вставшего на сторону Цезаря. Серия бескровных побед завершилась Фарсальским сражением, определившим исход борьбы за власть.

Нам представляется целесообразным разделить военную стабилизацию, проводимую Цезарем, и его глобальные политические преобразования (главы 8 и 9). Став теперь единственной законной властью, Цезарь покончил со всеми силами, защищавшими сулланско-помпеянскую «республику». Последними «борцами» за «дело» Помпея были не только его сыновья и Катон Утический, но и ловкие интриганы, взявшие власть в распадающемся Птолемеевском Египте, уничтожавшая все на своем пути конница нумидийского царя Юбы, набранные из уголовных преступников помпеянские легионы в Испании и иллирийские пираты. Объединяло их то, что все

они уже не вписывались в новую систему. Эти союзники нисколько не смущали «борцов за республику» и нетрудно представить, что стало бы итогом их победы. Возможно, именно в это время Цезарь пошел на нарушение принципов своей «политики милосердия», которую он неуклонно проводил на первом этапе гражданской войны и к которой вернулся после победы.

Главным было другое. Победивший Цезарь начал масштабные политические реформы, целью которых стало создание новой Империи, основанной на глобальной системе внешней и внутренней безопасности, экономическом росте и принципиальной реформе римского гражданства. История отвела ему мало времени, но сделанное за два последние года (46–44 гг. до н. э.) заложило основу для стремительного цивилизационного скачка и будущего двухсотлетнего процветания Рима. Заговор и убийство приостановили этот процесс, но он был уже необратим, к власти пришли те силы, которые продолжили его политику, хотя и замедлив ее темпы и пойдя на ряд компромиссов. В продолжающейся уже много десятилетий дискуссии о соотношении диктатуры Цезаря и принципата Августа мы твердо придерживаемся мнения об их глубокой преемственности. Рим I–II вв. н. э., а отчасти и далее, с его системой внешней безопасности, устойчивым экономическим процветанием и правовой реформой, был Римом Цезаря.

Вопреки установившейся традиции мы поместили обзор источников и историографии не в начале, а в конце изложения. Это не только позволит избежать дублирования структуры труда нашего предшественника, С. Л. Утченко, но и будет иметь дополнительный смысл.

Последние главы будут посвящены как бы «посмертной жизни» Юлия Цезаря. Это исход борьбы с последней оппозицией, которую довели до конца уже его наследники, и установление той системы, которая стала итогом его победы.

Это также образ Цезаря в античной традиции, как правило, поздней, и потому отражавшей отношение к нему созданной им Империи I–II вв. н. э., а затем уже и поздней античности.

Наконец, это его образ в научной историографии XVIII–XX вв., постоянно являющийся предметом полемики и переоценок и показывающий степень созвучия этой темы уже современной или близкой к современной истории. Предварительное изложение фактов, предшествующее оценочной части, может оказаться полезным для выбора подходящего читателю мнения, а чтобы традиция все же не была нарушена до конца, мы поместим в начальной части другой обзор историографии, посвященный характеристике кризиса I в. до н. э.

Разумеется, сейчас не время и не место для анализа мнений о Цезаре, но, быть может, имеет смысл закончить наше введение одним из вопросов, ответ на который мы попытаемся дать позже. Ис-

следователи много занимались проблемой прихода Цезаря к власти и ее спецификой, гораздо реже пытаясь ответить на вопрос о цели, ради которой он ее взял. Когда речь идет о политиках, принятие и захват власти часто воспринимается как самоцель, однако трудно представить, что все политические деятели стремятся к ней только ради позолоченного трона, громкого титула, коллекции наград и всеобщего раболепия, равно как и ради возможности диктовать свои условия, обогащаться или расправляться с реальными и мнимыми противниками.

Какова была та более высокая задача, ради которой Цезарь стремился к власти всю свою жизнь? Власть как цель, или власть как средство — этот вопрос вполне уместен и в данном случае. В зависимости от принятия той или иной позиции, мы должны по-разному взглянуть и на его деятельность, и на его личность, и на саму природу его власти. Встает и другой вопрос: к интереснейшей, хотя далеко не бесспорной идее С. Л. Утченко по поводу «мифа о Цезаре»⁷ можно добавить и проблему другого мифа, созданного его противниками, а отчасти и сторонниками, а затем ставшего популярным в последующей традиции. Это был миф о «свободной республике», свергнутой «военным диктатором».

⁷ Утченко С. Л. Юлий Цезарь. С. 3–41, особенно — с. 26–41.

ГЛАВА 1

РИМ И ЕГО ДЕРЖАВА

РОЖДЕНИЕ РИМА

Имя Цезаря во многом символизирует процесс превращения Римской Республики в Римскую, а затем и в Средиземноморскую державу, а потому, несколько изменив традиционную схему, мы рассмотрим основные принципы, по которым строилось римское общество, основы государственной системы Рима и путь превращения маленького италийского государства в крупнейшую сверхдержаву античной древности. Это был тот фон, на котором позже будет проходить деятельность Цезаря, его родственников, друзей и врагов, что поможет понять многие события жизни будущего диктатора.

Политическая, экономическая и правовая система Римской республики складывалась с древнейших времен. Восходя еще к царскому периоду (VIII–VI вв. до н. э.) и ранней республике (V–IV вв. до н. э.), она в основном сформировалась к III в. до н. э. По своей сути республика представляла полисное государство со всеми основными признаками этого общества: замкнутая система гражданства, противостоящая массам неполноправного населения, республиканский принцип управления и особые, характерные для полиса, идеология и культура¹.

¹ Вопрос о характере Рима и возможности применения к нему понятия «полис» является предметом дискуссии, затронувшей отечественную историографию 1970–1980-х гг. Подробнее см.: *Маяк И. Л.* Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983. С. 23–31; *Утченко С. Л.* Кризис и падение римской республики. М., 1965. С. 6–11. Различными аспектами этой дискуссии были вопросы о соотношении понятий «полис», «город» и «община» (гражданская, территориальная и сельская), а также вопрос о возможности отождествления полиса и города-государства. Не имея возможности подробно остановиться на этих вопросах, заметим, что наша позиция не отличается от точки зрения таких

Становление римско-италийского государства было длительным и сложным процессом. Сами римские писатели постоянно подчеркивали, что гигантская сверхдержава возникла фактически «с нуля», с маленького поселения на холмах, расположенных в устье Тибра, основанного горсткой колонистов из латинского города Альба-Лонги, которых возглавлял Ромул, внук альбанского царя Нумитора (Liv. prooem; Eutr., I, 1).

Легенда о Ромуле, дошедшая до нас в сочинениях многих писателей, зачастую в очень разных вариантах, стала своеобразным символом римской истории². Свержение законного царя Альбы Нумитора его братом Амулием, убийство сына Нумитора, вынужденное безбрачие дочери царя Реи Сильвии и тайное рождение близнецов, Ромула и Рема, таинственное спасение мальчиков, их воспитание, раскрытие тайны и свержение узурпатора — таковы основные вехи этой легенды, сходной с историями многих великих героев древности.

Вероятно, впервые такого рода легенда возникла в далекой Месопотамии и связана с основателем Царства Шумера и Аккада Саргоном Древним (2316–2261 гг. до н. э.). Аналогичные мотивы можно обнаружить в историях о рождении основателя Персидского царства Кира Великого, индийского божественного героя Кришны, библейского Моисея и греческих героев — Персея, Тесея и Эдипа.

Легенда о Ромуле подвергалась сомнению даже в древности, а Плутарх приводит большой список альтернативных версий основания города (Plut. Rom., 2), еще больше сомнений вызвала она у современных историков. Кроме нахождения сказочных, «бродячих» мотивов, ученые пытались доказать позднее (не ранее V в. до н. э.) появление легенды и эпонимический характер главного героя. Они подчеркивали обилие собственно античных версий и их разночтений, равно как и наличие этрусских и греческих мотивов и онома-

исследователей, как С. Л. Утченко, Е. М. Штаерман и И. Л. Маяк. В отличие от города-государства, полис не был универсальным явлением, и его можно рассматривать лишь как специфический вариант города-государства, обусловленный особыми историко-географическими условиями, прежде всего, греческого мира. Несмотря на ряд принципиальных отличий, Рим, на наш взгляд, имел основные признаки полисной системы (тождественность города, государства и гражданской общины, институт гражданства, республиканская формы управления, особенности менталитета и культуры), позволяющие считать его государством полисного типа.

² Наиболее подробное изложение легенды см.: Cic. De re p., II, 5, 10, X, 17; Liv., I, 1–8; Dion. Hal., 60–89; Plut. Rom., 3–10. Подробный обзор источников о ромуловом Риме см.: *Маяк И. Л.* Рим первых царей. С. 40–45, 52–74.

стики³. Хотя сам миф, несомненно, имеет древнее происхождение, многие из этих аргументов нельзя не учитывать, однако, не вдаваясь в детали, заметим, что легенда была и остается главной официальной версией основания города, в которую верили римляне и которую изучали в римских школах.

Ромула считали основателем римского государства. По традиции он правил 37 лет (753–717 гг. до н. э.). Ромул укрепил Палатин, главное место поселения древнейших римлян, построил крепость на Капитолии и объединил свой город с поселениями сабинян, живших на двух соседних холмах, Эсквiline и Квиринале. При Ромуле начались первые войны с латинами, сабинянами и этрусками. Он же учредил главные общественные и государственные институты: разделил весь народ на три трибы (Рамны, Тиции и Луцеры) и 30 курий; создал римское ополчение (легион) из 3000 человек и римскую конницу (300 целеров), набиравшуюся по куриям и трибам; разделил население города на патрициев и плебеев и учредил сенат из 100 человек.

Преемнику Ромула, второму царю Рима Нуме Помпилию (715–672 гг.) традиция приписывает прекращение войн, создание римской религиозной организации и завершение преобразований Ромула (Plut. Numa, 6–7; Liv., I, 18–21). Согласно легенде, Нума построил храмы древнейших римских богов, Януса, Фидес (Верности) и Термина, учредил главные римские жреческие коллегии, понтификов, фламингов и салиев, а, возможно, и ввел в Риме культ Весты и коллегию весталок. Римляне считали Нуму основателем древнейших ремесленных коллегий (флейтистов, золотых дел мастеров, плотников, красильщиков, сапожников, дубильщиков кожи, медников, гончаров), добавившим к ним общую коллегию всех остальных ремесленников. Завершение политического развития раннего периода связано с двумя следующими царями — Туллом Гостилием (672–640 гг.), завоевавшим Альбы-Лонгу (Liv., I, 22–31), и Анком Марцием (640–616 гг.), развернувшим наступление вдоль Тибра и переселившим в Рим множество латинов (Ibid., I, 32–34).

Несмотря на красочные описания первых побед римлян, Рим эпохи царей представлял собой примитивное карликовое государство, площадь которого не превышала 150 квадратных километров при Ромуле и несколько больше при Анке Марции с населением 10 000–15 000, а позже — 25 000–30 000 человек⁴. Его границы отстояли на

³ На это указывается даже в наиболее фундаментальных общих курсах. См., например: *Ковалев С. И.* История Рима. Л., 1986. 2-е изд. С. 51–55, 63–64.

⁴ Подсчеты численности раннеримской общины см.: *Маяк И. Л.* Рим первых царей. С. 130–134. Наиболее известны подсчеты Ю. Белоха, Ф. де Мартино и Э. Гьерстада (*Beloch J. Römische Geschichte*. 5 Aufl. Berlin, 1853. S. 219; *Martino F. de.* Territorio, popolazione e ordinamento

4–8 миль от города. Вместе с тем новый город имел множество особенностей географического, экономического и этнического характера, которые сказались как в этот, так и в последующие периоды.

Латинская равнина была одной из самых плодородных и населенных частей Италии, относительно защищенной от внешней угрозы. С севера Лациум от этрусков защищала река Тибр, крупнейшая судоходная река Апеннинского полуострова, с востока и юга — горы, населенными сабинянами, эквами и вольсками, а на юге территория почти переходила в другую плодородную равнину, Кампанскую. Еще одним соседом Лациума были этруски, создавшие самую высокую цивилизацию Италии, сопоставимую с греческой.

Впрочем, и греки были не так далеко. На Кампанской равнине находилась одна из крупнейших и древнейших колоний — Кумы (осн. 754 г. до н. э.) и, как полагали римляне, многие религиозные культы, право, письменность и архитектура пришли к ним отсюда. Легенды рассказывают о посещении Лациума греческими героями, начиная с микенских времен, причем по крайней мере трое из них были связаны с древнейшей историей римлян. По преданию, древнейшее поселение на Палатине основал аркадянин Эвандр⁵,

centuriato // *Diritto et societa nell' antica Roma*. Roma, 1979. P. 162–182; *Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit* // ANRW. Tl. 1. Bd. 1. Berlin; New York, 1972. S. 174–182. Основой для подсчета обычно служат размеры предполагаемой территории и данные о количестве военных сил и числе центурий, а также о предполагаемой плотности населения. Исходные данные являются численность римского легиона, сначала 3000 человек, по 1000 от каждой трибы (Varro. *De l. lat.*, V, 89), а затем — 6000 пеших и 600 всадников (Plut. *Rom.*, 20) и сведения Ливия и других авторов о 193 центуриях при Сервии Туллии (т. е. около 19 300 воинов) и 80 000 человек при цензе времен Сервия Туллия (Liv., I, 44, 2). Как полагают исследователи, при Ромуле римляне имели 3000 воинов, при Анке Марции их было 6000, что предполагает общую численность населения в 12 000–15 000 и 20 000–30 000 человек соответственно. В конце царского периода в Риме было 60 000–80 000 граждан. Ф. де Мартино, предпочитающий расчеты плотности населения и территории, снижает эту цифру до 50 000.

- ⁵ Подробный разбор мифа об Эвандре см.: *Маяк И. Л.* Рим первых царей. С. 53, 56, 73–74, 82–84. Согласно традиции, аркадянин Эвандр был первым греком, прибывшим в Лациум и основавший поселение на Палатине (Varro. *De l. lat.*, V, 21; Liv., I, 5, 2; 7, 4, 8; Dion. Hal., I, 31–32; Iust. XLIII, 1, 3; Plut. *Rom.*, 21; Plin. N. H., XXXIV, 167, 1; Ovid. *Met.*, XIV, 456). Некоторые исследователи (Э. Перруцци) склонны считать предание об Эвандре отражением реального факта — появления в XIV–XIII вв. до н. э. микенского поселения, оказавшего культурное влияние на окружающую территорию.

троянец Эней и его сын Асканий стали основателями Альбы-Лонги, а с Гераклом был связан один из наиболее популярных римских культов (Liv., I, 7).

Латинская равнина была одним из самых населенных районов центральной Италии, в котором перекрещивались самые различные этнические взаимовлияния. Уже в 1800–1500 гг. до н. э. здесь распространилась культура террамар, здесь был и один из центров культуры Вилланова. Из сообщений античных авторов вырисовывается крайне сложная и пестрая этническая картина. В числе жителей упоминаются сикулы и сиканы, неизвестный народ, именуемый аборигинами (по разным версиям — греки, протосабины, латины, лигии, пеласги), греки Эвандра и троянцы Энея (Dion. Hal., I, 16; 17; 19; 31–32; 34; 40; 45; 56; 60; 89; II, 1–2; Liv., I, 9–10; Flor., I, 1, 9; Tac. Ann., II, 54; 55; IV, 9; 43; VII, 58; Origo gent. Rom., 1–23)⁶. Позже участие в этногенезе Лация приняли этруски и сабиняне, эквы и вольски.

Особенности этногенеза во многом определили менталитет народа. В римской истории было немало примеров упорного нежелания делиться своими привилегиями с «иностранцами», политического, экономического и национального самоограничения, а иногда и подлинного шовинизма и ксенофобии, и, вместе с тем, изначально римлянам гораздо больше, чем грекам, была присуща идея открытости. Римляне сознавали себя как «сборный» народ и даже патрицианские роды царского периода включали в себя не только «коренных» латинов, но и сабинов (Валерии, Аврелии, Помпилии, Ветурии, Клавдии) и этрусков (Сергии, Лицинии), а некоторые возводили себя к троянцам (Юлии, Навтии) и грекам (Эмилии)⁷.

Возникает представление, что римляне достигли своих успехов потому, что заимствовали от других все самое достойное подражания и соединили в себе лучшие силы и достижения разных народов. Позже эту идею выразил Саллюстий (что интересно — устами Цезаря) (Sall. Cat., 51, 38–39), а затем — император Клавдий (Dess., 212; Tac. Ann., XIII, 42). Наряду с этим, Рим приобретает образ защитника гонимых. Уже Ромул открыл убежище для всех обездоленных и ищущих защиты (Liv., I, 8, 4). Великая Империя, покоряющая и побеждающая, но и готовая защитить обиженного, создающая из разных народов новую историческую общность римлян — таков был образ римской сверхдержавы, созданной маленьким народом

⁶ См.: Маяк И. Л. Рим первых царей. С. 56–63, 73–75. Подборка сведений Вергилия о римском этногенезе см.: Там же. С. 64–65. В описываемом авторами порядке достаточно четко видна последовательность этнических пластов: сикелы и сиканы; аборигины, латины, пеласги, греки-микенцы и троянцы.

⁷ См.: Маяк И. Л. Рим первых царей. С. 135–140.

на Тибре. Одним из главных символов этой идеи позже было суждено стать Юлию Цезарю.

Рим занимал особое место в Лации. В области были две группы холмов, Альбанские и Римские. Первые стали первоначальным политическим центром Лация, и именно здесь располагались такие города, как Лавиний, Лаврент и Альба-Лонга, откуда и произошли римляне. Группа римских холмов (Палатин, Эсквилин, Виминал, Квиринал, Целий, Авентин) имела более выгодное стратегическое положение. Холмы были прекрасно защищены, владеющий ими контролировал устье Тибра, рядом находился брод, позже появился мост, здесь проходила Соляная дорога (Via Salaria). Военному развитию Рима способствовала близость этрусской границы. Уже в конце «эпохи царей» соперничество Рима и альбанского союза стало склоняться в пользу римлян.

Первый серьезный поворот в истории Рима приходится на рубеж VII–VI вв. до н. э. Три последних царя — Тарквиний Приск (616–578 гг.), Сервий Туллий (578–534 гг.) и Л. Тарквиний Суперб (534–510 гг.) — условно именуются «этрусской династией». Два Тарквиния были этрусками, версии происхождения Сервия Туллия различны, но и он был тесно связан с правящей семьей (Liv., I, 39). Хотя традиция показывает мирный приход к власти этих правителей, сам факт наличия царей-этрусков вызвал появление теории «этрuscoго завоевания».

Еще более важным является то, что Рим, так или иначе, попал в «этрусскую зону». На VII в. приходится активная этруская экспансия. Традиция и данные археологии показывают расширение «зон» от Кампании на юге до Альп на севере. На территории Рима заметно резкое увеличение числа предметов этрусской материальной культуры и искусства. В Риме появился этрусский квартал (*vicus Tuscus*), существенно выросло число этрускизмов в языке, ономастике и топонимике.

Вхождение в «этрусскую зону» способствовало резкому скачкообразному развитию Рима, римского общества и римской материальной и духовной культуры. Именно цари-этруски создали Рим как город. По мнению Э. Гьерстада, на 800–700 гг. до н. э. приходится так называемый догородской период, характерный существованием изолированных поселений на Палатине, Эсквилине, Квиринале и Веллии с постепенным заселением долин и Форума⁸. С 700 г. начинается «городской период», когда Рим все больше и больше превращается в единую агломерацию. К началу правления царей-этрусков город становится единым целым, а весь процесс завершается примерно к 575 г. до н. э.⁹ По традиции, все три царя много

⁸ *Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation...* S. 137–139.

⁹ *Ibid.* S. 141–143.

строили (Liv., I, 38, 5–7; 45; 55–56). Происходило и качественное изменение облика города. Площадь Рима выросла с 66 до 132 га, а город обнесли мощной стеной (стена Сервия Туллия). Тарквиний Приск начал рыть дренажные канавы, ставшие прообразом будущего водопровода (Слоаса *Maxima*). Создавались новые храмы: Тарквиний строил храм Юпитера Капитолийского, а Сервий Туллий соорудил на Авентине храм Дианы, главного божества Латинского союза.

Расширение Рима сопровождалось наступлением римлян в Лации. Тарквиний Приск развернул наступление в области так называемых *Prisci Latini*, расширяя господство Рима на Тибре и Анио, отодвинув границы на 10–16 миль и подчиняя латинские города (Корникул, Коллация, Номент, Медуллия, Америола и др.) (Ibid., I, 38). При Сервии Туллии происходит важная военно-политическая реформа, а претензии на лидерство в Латинском союзе отражает строительство храма Дианы. Еще больших успехов добился Тарквиний Гордый, захватив Габии, Ардею и Арицию. Рим стал гегемоном Латинского союза, римский царь заключил договор с правителем Тускула Октавием Мамилием. Создавался тот мощный римско-латинский союз, который станет главным механизмом римских завоеваний (Ibid., I, 52–55). К концу этрусского периода *ager Romanus* увеличился до 850 квадратных километров¹⁰.

Не менее радикальными были и перемены в социально-политической жизни общества. По справедливому замечанию Э. Гьерстада, «этрусский период» можно считать известным аналогом «старшей тирании» в Греции¹¹. Характер царской власти существенно изменился, и из патриархального древнего царя, сочетавшего сакральные функции с ролью военного и гражданского лидера и верховного судьи, римский рекс превращается в полновластного монарха. Нарушается принцип выборности царя, а новые властители все меньше считаются с правами сената и народа. Конечным этапом этого развития стало тираническое правление Тарквиния Гордого, решавшего все вопросы практически единолично и жестоко подавлявшего оппозицию. Вместе с тем этрусские правители начали проводить и более глубинные преобразования, заложившие основу римского полиса.

Первые реформы провел уже Тарквиний Приск, добавивший к старым сенаторам 100 человек из так называемых «младших родов» (*gentes minores*), что стало шагом к превращению сената в царский совет (Ibid., I, 34). Вторым важным шагом стало увеличение числа всаднических центурий до шести, что стало предпосылкой последующей реформы триб (Ibid.).

¹⁰ Ibid. S. 181.

¹¹ Ibid. S. 166–167.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru